

# Шолом-Алейхем

## Шмуел Шмелькис и его юбилей

*Всем моим дорогим маленьким  
людям Касриловки посвящаю эту  
небольшую книжечку.*

**Автор**

### ОПРАВДАНИЕ АВТОРА

Недаром говорят: на свете нет худа без добра. Вот посмотрите: бог создал пиявок, которые кровь высасывают, а их используют для лечения больных. Пчелы кусаются, но приносят мед. Шпанские мухи, распространяющие страшное зловоние, помогают при нарывах. Или взять, к примеру, мышей. Казалось бы, что может быть хуже такого существа, как мышь? Тем не менее иметь бы нам обоим, дорогой друг, столько, сколько тратят ежегодно на мышинные шкурки! Из этих шкурок делают перчатки, перчатки эти надевают молодые девушки на свои изящные ручки. Красивые девушки приходят на бал, на свадьбу или на другое торжество. На них заглядываются славные парни. Парни влюбляются, венчаются, появляются дети. Дети

вырастают, становятся взрослыми парнями и красивыми девушками. И так далее и так далее...

К чему я это говорю? Да вот взять хотя бы меня и мою болезнь. Был я, не про вас будь сказано, серьезно болен, провалялся добрых два месяца в постели в местечке неподалеку от Касриловки, в Барановичах. Ну, что говорить, — скверно быть больным. Был у меня когда-то учитель, а у него была жена. Она говорила так: «Нежели неделю хворать, так уж лучше два года быть здоровым...» (Странные мысли приходили на ум этой странной женщине.) Меня, однако, сама по себе болезнь не так донимала, как то, что врачи строго запретили мне три вещи: *говорить, читать и писать*. Хорошие три вещи! Кто знает, что значит для пропойцы не пить, для лгуна хранить обет молчания, а для женщины — не смотреться в зеркало, тот правильно поймет мое положение. Соблазн бумаги, бес чернил и пера орудовали изо всех сил. Но добиться им ничего не удалось. Слишком много глаз следило за больным. Тогда больной подумал и решил про себя: «Писать вы можете запретить. Но думать? Мыслить? Рассуждать? Кто может запретить?»

И я стал думать, мыслить, и рассуждать, и мысленно создавать сюжеты. Из

размышлений постепенно начали возникать картины, вначале неясные, а потом все нагляднее и четче. Так и зародился у меня в мыслях целый сборник историй о Касриловке, Мазеповке, Стрище и других местах, «где евреям жить дозволено...». Все эти истории я честь честью упаковал в своей памяти и перебрался с ними за границу, в божественную теплую страну Италию, где среди зимы можно гулять без верхнего платья, а ханукальные свечи — зажигать при распахнутых окнах. Здесь я уже, наверное, обработаю мои истории и дам их моему читателю, терпеливо читавшему меня двадцать пять лет кряду...

Разве из всего этого не видно, что есть у нас великий бог, одной рукой наказующий, а другой — исцеляющий? Правда, можно задать себе вопрос: «А на что это мне? Не наказывай, мол, и не исцеляй». Однако это не вопрос, и вообще вопросы задают глупцы. Я хотел только доказать, что порою из самого большого несчастья можно извлечь кое-какую пользу.

После такого оправдания благосклонный читатель, наверное, не будет в претензии к автору, если картины иной раз получились бледными, иногда чересчур короткими, а то и просто слабоватыми.

Больше мне с тобой, читатель, сейчас

говорить не о чем. Желая тебе доброго аппетита к чтению, а себе — здоровья и сил писать и впредь, хотя бы еще лет двадцать пять, если не больше. Ибо если правду врачи утверждают, что я болен и должен лечиться, то ведь это имеет отношение лишь к грешному телу, а не к чистой душе. Можешь поэтому поверить мне на слово, что я теперь только хочу начать писать и писать.

*Шолом-Алейхем.*

*Нерви (Италия), 25 окт. 1908*

## **Глава первая. Хана, меня напечатали!**

Сколько послепасхальное солнце ни грело, сколько ни дул ветер, им обоим так и не удалось добиться толку от касриловской грязи. Казалось, что она издевается над ними.

— Напрасны труды ваши, зря греете, зря дуете. Если я и высохну, то дай бог только в июне, в самую жару, когда собаки бегают, высунув язык, а кошки ищут прохладного уголка на чердаках...

Так шутила касриловская грязь (в Касриловке шутят все, даже грязь), а касриловцы, подоткнув полы, ловчились, искали способа протоптать тропинку, укладывали полено или пару кирпичей и прыгали, как мальчишки, все же частенько попадая ногой в лужу. Окотив грязью лицо и себе и

другому, они начинали проклинать неизвестно кого самыми лютыми проклятьями:

— Холера и три погибели наследнику твоего отца до захода солнца!

Одним из умников, который однажды в послепасхальное утро пытался выйти сухим из касриловской грязи, был герой нашего рассказа, Шмуел Шмелькис.

Для того чтобы скорее познакомить вас с ним, представляю его вам, не распространяясь. Шмуел Шмелькис — молодой человек, просвещенный, из порядочной семьи, зять богача реб Йоси. В то время он жил еще у тестя на хлебах, сидел над фолиантами Талмуда, почитывал и светские книжки и писал в газетах. О чем он писал, трудно сказать, так как в то время газеты его не печатали. То ли по злобе, то ли по другим причинам, но газеты упорно хранили молчание, и имя Шмуела Шмелькиса не упоминалось даже в «почтовом ящике», покуда господь бог не сжалился над ним в одно прекрасное утро, — то самое утро, которое здесь описывается, — и имя Шмуела Шмелькиса было черным по белому напечатано в газете крупными, ясными четырехугольными буквами.

Идя с почты домой, держа газету в руке, наш герой шагал по грязи, прыгал с тропинки на тропинку, фокусничал, желая показать, что можно делать сразу два дела: читать газету и прокладывать

себе дорогу в касриловской грязи. Благодаря таким фокусам он попадал из лужи в лужу, забрызгался и выпачкался, как черт. Однако все это не шло ни в какое сравнение с тем, что он держал в руке. Его, словно на крыльях, несло домой — показать своей жене, Хана, что он, Шмуел Шмелькис, напечатан в газете. Весь в грязи, с шапкой на затылке, в пальто нараспашку, вспотевший, наш герой влетел в дом.

— Хана, где ты?

Хана, в то время еще совсем молодая женщина, с одним ребенком на руках и с другим на сносках, увидав мужа, такого измазанного, вспотевшего и взволнованного, устремила к нему:

— Господь с тобой, Шмуел!

— Хана! Меня тиснули, Хана!

Хана страшно испугалась. В мгновение ока усадила ребенка, схватила стакан воды и подбежала к мужу:

— Горе мне! Где тебя притиснули? Где?

— Да не притиснули, а тиснули, напечатали! Вот здесь! — ответил со счастливой улыбкой Шмуел, протянул газету и сияющими глазами указал место, где, словно звезды, сверкали большие, четкие четырехугольные буквы: «Шмуел Шмелькис»!

В тот день на всем свете — от Касриловки и до океана по ту сторону Америки — не было,

кажется, человека счастливее Шмуела Шмелькиса. Не обращая внимания на грязь, не прислушиваясь к уговорам Ханы: «Куда ты пойдешь в такую топь?!» — наш герой отправился с газетой по городу. Остановившись чуть ли не каждого встречного, он рассказывал, что идет с почты, где только что получил газету...

— Вот видите?

При этом он подносил каждому к самому носу газету с крупными буквами: «Шмуел Шмелькис». Однако касриловцы, судя по всему, не совсем уяснили себе причину его радости. Они думали, что там сообщают какие-нибудь новости — о войне, о пожаре, об эпидемии или вообще о каком-нибудь новом законе против евреев. И хотя времени нет, хотя все думают о зарплате, но послушать новости — что ж, это можно, это — с удовольствием!

— А ну-ка, прочитай, что там пишут у тебя в газете?

— Вот здесь, посреди болота читать?

— Зачем же ты нас остановил?

— Я только хотел показать вам, что... что меня напечатали! Напечатали!

Так отвечает наш счастливый герой и продолжает шлепать по грязи. А касриловцы переглядываются, пожимают плечами и шутят, по своему обыкновению:

— Ах, будь ты неладен!

- Его тиснули!
- Притиснули!
- Втиснули!
- Засолили!
- Заквасили!
- Замариновали!
- Ха-ха-ха!

Была уже глубокая ночь, а Шмуел Шмелькис все еще лежал в постели с открытыми глазами. Он чувствовал себя, как герой, как человек, сделавший большое и важное дело, поставившее его отдельно от всех его знакомых в Касриловке, поднявшее его высоко, на целую голову выше все прочих касриловцев. Шутка ли, его, Шмуела Шмелькиса, напечатали в газете, а их нет!.. И он смотрит на них сверху вниз, с сожалением. Ему кажется, что он на высокой горе, а внизу — вся Касриловка стоит и слушает, прислушивается к высоким идеям, которые он проповедует: о человечности, о божественном, о вечности... И чем дальше, тем выше и выше вырастает он, и нисходят к нему ангелы с неба, подхватывают его на широкие свои крылья и уносят далеко-далеко от Касриловки. И... он засыпает.